

Новые книги

IR Предлагаем вашему вниманию рецензию *С.Ю.Барсуковой* на книгу, опубликованную ранее в журнале «Pro et Contra» [Том 6, № 3, лето 2001]. Обычно мы не размещаем уже опубликованные тексты. Но в данном случае (с любезного согласия руководства журнала) мы делаем исключение. Ибо рецензии, выходящие за дежурно-повествовательные рамки, пишутся у нас, увы, нечасто.

Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000. 595 с.

Барсукова Светлана Юрьевна

к. с. н., Государственный университет – Высшая школа экономики

Email: cvbars@mail.ru

В последнее время заметно вырос интерес к проблемам теневой экономики. Правда, обилие публикаций на эту тему не компенсирует отсутствия системного взгляда на явление. На этом фоне выход в свет объемистой книги о «тени» не мог остаться незамеченным. Ее авторы, судя по всему, поставили перед собой цель восполнить дефицит системного ведения, предложив читателю сочетание разнообразной эмпирики с ее теоретической интерпретацией. Провозгласив, что теневой экономике присуща собственная логика функционирования и развития, они пытаются эту логику выявить и выстроить. А это – задача едва ли не революционного масштаба.

Эмпирическая панорама, нарисованная авторами, впечатляет разнообразием сюжетов и тематических разделов. Здесь и коррупция государственного аппарата, и поборы правоохранительных органов, и взяточничество в высшей школе, и теневой рынок медицинских услуг, и теневое предпринимательство, и теневое кредитование, и теневые операции с земельной собственностью, и рынок освобождения от воинской обязанности. Собранный материал изложен и интерпретирован в четырех главах. Первые две написаны по материалам интервью и посвящены теневой экономике соответственно деревни и города (111 интервью). На их основе сделан вывод, что зарождающийся в теневой сфере экономический уклад имеет значительный потенциал и что «любые попытки обуздать эту нелегальную рыночную стихию методом административного нажима могут принести только вред и обернуться очередным движением вспять» [с. 83]. Единственный реальный выход – это «легализация деятельности неформалов... посредством предоставления им льготных условий существования» [с. 207], ведущая от теневого порядка к правовому. Вывод вполне в духе либеральных рецептов.

В третьей главе приведены количественные оценки распространенности теневых операций и проанализировано отношение к ним разных групп населения (общероссийская репрезентативная выборка, 1600 опрошенных). Респонденты поделены на предпринимателей, *непредпринимателей* и *предпредпринимателей* (терминология авторов), что позволяет соотнести различные типы сознания -

юридически-правовой, неправовой (коррупционно-теневой) и доправовой (морально-репрессивный) – с ориентацией на занятие бизнесом либо с отсутствием таковой. В частности, авторы выясняют, что импульс законопослушания исходит от мелких предпринимателей, разочаровавшихся в союзе с чиновничеством. Такая же ориентация, как предполагается, будет свойственна и *пред*предпринимателям по мере их вхождения в мир бизнеса. Так что перспективы выглядят довольно оптимистично. Однако «чтобы такой процесс пошел активно, сам бизнес должен стать экономически сильным и независимым от власти» [с. 236]. Правда, не очень ясно, благодаря каким социальным и политическим силам это может произойти – ведь сами предприниматели составляют порядка пяти процентов в структуре современного российского общества да и в политической активности особо не замечены.

Данная, третья, глава содержит обширный массив упорядоченных данных, сопровождаемых авторскими комментариями, которые претендуют, хотя и в разной мере, на новизну и оригинальность в трактовке проблем теневой экономики. Для человека, умеющего «читать» таблицы, количественные данные самодостаточны и процесс чтения книги ускоряется за счет пропуска части текста. Впрочем, это – общее свойство работ описательного характера, и умение приводить эмпирику в формат «самоговорящих» таблиц свидетельствует о профессионализме авторов.

В четвертой главе прослежена связь между теневыми установками и политическими предпочтениями россиян; в очередной раз найдено подтверждение того, что экономические и политические ориентации могут не совпадать, хотя это не значит, что между ними нет никакой взаимосвязи. Зафиксирован также преобладающий тип сознания – морально-репрессивный, что может стать ограничителем экономико-правовых стратегий борьбы с «тенью».

И, наконец, в заключительной части книги, на которую приходится чуть менее половины ее объема, опубликованы «голоса из тени» – полномасштабные углубленные интервью, собранные авторами в ходе исследования. Сам факт обилия столь откровенных интервью свидетельствует о широком распространении и обыденности теневых отношений в нашей жизни, а также о мере их фактической легитимации.

Как видно из вышесказанного, авторы изучают теневую экономику, пронизывающую повседневную жизнь россиян, принципиально отказываясь от сведения ее к отдельным хозяйственным локусам. Это более чем разумно, поскольку главная примета современной России в том, что всякая демаркация между теневой и легальной деятельностью в ней условна.

Поскольку книга заявлена как попытка восхождения от эмпирики к теории, возникает законный вопрос: каковы же теоретические воззрения авторов?

По их мнению, пришедшее с Запада понятие «неформальная экономика» не соответствует российской действительности, ибо в нынешних российских условиях оно «вряд ли может быть распространено дальше представлений о домашнем хозяйстве и об индивидуальной предпринимательской деятельности» [с. 10]. Отсюда – призыв использовать понятие «теневая экономика». Не оспаривая свободу авторов в выборе терминов, замечу только, что в западной традиции, которая утвердилась и в российской науке, под неформальной экономикой понимают агрегированный феномен как *противоправных*, так и *внеправовых* хозяйственных трансакций во всем их разнообразии, включая блат и коррупцию. При таком понимании теневую экономику

принято считать сегментом неформального пространства, ее значительным смысловым разворотом. Аргументация авторов против понятия «неформальная экономика» явно недостаточна для серьезной заявки на терминологическую инновацию.

Для книги вообще характерны попытки опротестовать западные каноны применительно к российской «тени». По мнению авторов, теневая экономика России опровергает западные представления об истоках возникновения и закономерностях функционирования внелегальной практики. Если на Западе неформальная деятельность существует как «независимая частная инициатива за пределами действующего закона» и прекращается с обретением ею правового статуса, то в России официальный правовой статус «*предшествует* выходу оператора на нелегальный рынок» [с. 11]. По отношению к Западу это – довольно смелое утверждение. Сильно сомневаюсь, что западная литература может быть сведена к столь простым понятийным схемам. Социально-экономические теории коррупции, кстати западные по происхождению, учитывают официальный статус субъекта как фактор его включенности в теневые операции. Да и нет единой западной версии причин и логики развития теневой экономики. Помимо разных научных школ существует еще дифференциация подходов применительно к развитым и развивающимся странам, а также к странам с переходной экономикой.

В силу «перетаскивания нерыночных статусных возможностей» в рыночную «тень» возникает теневое парагосударство, понимаемое авторами как приватизированное. «Такое государство тем-то и отличается от государства легального и конституционного, что функции, которые должны быть исключены из рыночного оборота (например, функции суда или армии), утрачивают характер общественного блага и становятся предметом купли-продажи» [с. 12]. Следовательно, считают Клямкин и Тимофеев, в зоне «тени» понятия «государство» и «рынок» совпадают. Замечу в этой связи, что в последнее время участились попытки определять роль и сущность теневой экономики через апелляцию к понятию государства. Здесь и «уголовно-государственный паритет» (Вадим Радаев), и «фрагментация российской государственности в результате множественности очагов насилия» (Вадим Волков) и т. п. Версия авторов книги стоит в ряду гипотез о корреляции процессов теневилизации экономики с состоятельностью государственной власти. Жаль только, что Клямкин и Тимофеев не сочли нужным обозначить качественную специфику своих взглядов относительно позиций других исследователей.

Вообще авторы не особенно жалуяют работы своих предшественников. Часто упоминаемая западная традиция, которая, по мнению авторов, несостоятельна для объяснения российской «тени», представлена всего шестью именами, да и то больше «через запятую», без анализа эвристического потенциала упоминаемых работ. Российским коллегам повезло ненамного больше. Внимание авторов книги привлекли всего восемь работ, включая сочинения одного из авторов. Правда, есть еще несколько отсылок к газетным заметкам, но публицистика, давая оперативные и эмоциональные зарисовки жизни, вряд ли способна стать серьезным слагаемым научной концепции.

Впрочем, теория – вещь капризная. Она невозможна вне дисциплинарных, методологических и дискурсивных координат. Теневая экономика с позиций неонституционализма выглядит иначе (с точки зрения возникновения, функций и возможностей легализации), чем с позиций, скажем, неоклассической теории. Социологические трактовки также имеют свои традиции, категориальный аппарат и концептуальные схемы, внимание к которым не просто дань авторам, чьи идеи

получили признание, но и показатель включенности в «незримый колледж», наделенный правом «организованного скептицизма» (Роберт Мертон) по отношению к новым суждениям. Понимаю, что рассуждения такого рода могут показаться занудством. Но наука требует соблюдения технологии, иначе она вырождается в публицистику. Принадлежность к цеху обязывает. Объекты анализа не делятся на те, что достойны науки, и те, что составляют привилегию публицистики. Водораздел между научным и ненаучным лежит в области методологии. Вписанность исследования в поле трудов предшественников – неперенный атрибут научного производства.

Авторы не один раз отмечают слабую изученность темы, за которую они взялись. Но ситуация быстро меняется. Теневая экономика из недавно еще табуированной области знания буквально на глазах превращается в одну из самых конъюнктурно востребованных. Еще вчера про «тень» молчали даже те, кому было что сказать. Сегодня говорят и те, кому сказать нечего. Поэтому «белым пятном» ее назвать трудно. По крайней мере, эмпирические доказательства ее существования уже не способны ни удивить, ни озадачить. Другое дело, что по-прежнему в дефиците системный анализ этого явления. И выход в свет книги «Теневая Россия» мог бы стать революционным событием для научного мира и общественности, пояись она на несколько лет раньше. Сейчас же она предстает в роли скорее добротной, но отнюдь не новаторской работы. Глубина и масштаб теоретических обобщений вряд ли способен впечатлить исследователей, а богатство эмпирики - обывателей. Так что революция не состоялась, но в полку хороших книг прибыло. Не более того. Но и не менее.